

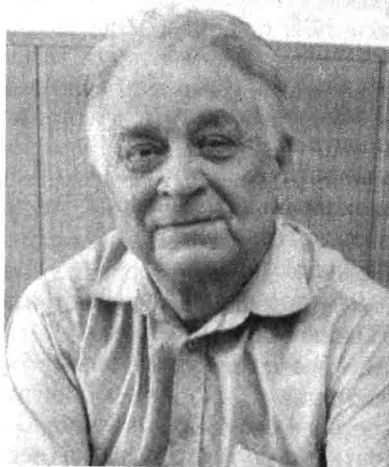
00

Москва

1
2014

КИРИЛЛ ЧЕРЕВКО

НАШИ КУРИЛЫ

Кирилл Евгеньевич Черевко — доктор исторических наук, доктор филологических наук, действительный член Академии информатизации при ООН, академик РАЕН, приглашенный профессор Государственного университета г. Любляны (Словения).

Область научных интересов — российско-японские и советско-японские отношения, включая вооруженные конфликты, проблемы границ России с Японией, в особенности по мирным договорам, а также с Китаем и США.

Автор многих научных статей и монографий, а также книги «Серп и молот против самурайского меча» (2005), за которую получил Почетную грамоту.

ПУБЛИЦИСТИКА

Японцы до 1798 года не посещали Курилы... Именно в этот год сёгунат Токугава решил присоединить российскую территорию, оккупировав Кунашир и Итуруп.

Дж. Стефан, американский историк, профессор

Летом 2009 года японский парламент единогласно принял решение о внесении поправок* в Закон о специальных мерах по ускоренному разрешению проблемы Северных территорий Японии от 31 августа 1982 года, включающий в свой состав острова Большой Курильской гряды Итуруп, Кунашир и острова Малой Курильской гряды Шикотан и островную группу Хабомаи (ст. 1–2).

В качестве аргумента японские парламентарии приводили утверждение, что эти российские острова являются *исконными* территориями Страны восходящего солнца, полностью оккупированными Советским Союзом только после подписания Токио акта о капитуляции ее вооруженных сил во Второй мировой войне, и на основании такой трактовки истории призвали вернуть эти острова, исходя из принципа изначальной их принадлежности Японии.

Как же обстояло дело в действительности? Были ли японцы, которые якобы издавна, с незапамятных времен, исконно владели островами, их первооткрывателями? Имеет ли беспрецедентное решение об одно-

* Закон о специальных мерах по ускоренному разрешению проблемы Северных и аналогичных им территорий № 85 от 31 августа 1982 года (окончательный вариант с поправками от 31 марта 2012 года). Под «аналогичными Северными территориями» имеются в виду Курильские острова от острова Уруп до полуострова Камчатка, уступленные Россией Японии по Санкт-Петербургскому договору 1875 года, несмотря на то что по инициативе Японии он был подвергнут ревизии в русско-японском Портсмутском договоре 1905 года. Это дополнение было включено в данный закон по настоянию парламентской фракции Компартии Японии.

стороннем присоединении в мирное время к своему государству территорий другого государства, от всех прав, правооснований и претензий, на которые оно отказалась по мирному договору с ним, какое-либо обоснование с точки зрения истории? Обратимся к фактам.

В настоящее время попытка использовать в качестве претензии аргумент об *исконной* принадлежности государству той или иной оспариваемой территории, то есть по принципу первого открытия, за исключением случая непрерывного владения ею при отсутствии на этот счет международных договоров, бесспорно, представляет собой явный анахронизм.

Но поскольку Япония прибегает именно к этому аргументу для обоснования своих претензий на Южные Курилы, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору 1951 года, опровержение такого подхода к данной проблеме в отношении этих территорий и установление, каким же народам принадлежит приоритет открытия и первоначального освоения Южных Курил с учетом того, имели ли они свою государственность, — материковой или островной Азии (то есть либо нивхам, либо айнам, либо японцам) или Западной Европы и Евразии (голландцам или русским), оказываются в современной международной обстановке как вполне правомерными, так и весьма актуальными вопросами не только с научной, исторической, но и с политической точки зрения.

Что же касается этнической принадлежности первооткрывателей и первоначальников этих островов, то ими были предки не японцев, а коренных народов азиатской части современной России: не только предки современных айнов, но и поселившиеся здесь еще ранее древние нивхи, которые по мере проникновения в этот регион смешивались с тихоокеанскими монголоидами. Миграцией предков этих племен из внутренних районов континентальной Азии, куда проникали индоевропейцы, объясняется, в частности, тот факт, что у айнов сохранялись евро-

пеоидные признаки в строении лица и в пальцевых и ладонных узорах.

Что касается вопроса приоритета России в первооткрытии Курильских островов*, то это событие состоялось в июле 1739 года и было осуществлено южным отрядом Второй камчатской экспедиции Витуса Беринга под руководством М.П. Шпанберга, проложившим путь к берегам Японии с целью установления торговых связей с этой страной (моряками бригантинны «Архангел Михаил» под командованием М.П. Шпанберга и дубельшлюпа «Надежда» под командованием В.Вальтона).

На обратном пути от берегов Японии отряд М.П. Шпанберга обследовал острова южной части Курил. В его рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 19 ноября 1739 года об этом говорится следующее: «Оттуды отошел, мы морем июля 3 числа дошли до ширины северной 44°24' к лежащим от японской земли островам, и с которых прозвали мы один Фигурной, другой Трех Сестер, третий Цыдронной, а на которые румбы они лежат, значет оной компании по журналу и карте».

В своем журнале М.П. Шпанберг 3 июля отмечал, что «в 3 часа дня послана наша шлюпка, на которой людей восемь человек и квартирмейстер с пробирных дел мастер Симон Гардеболь, и бергаур Калугин, и дубельшлюп «Большерецк» взяли на буксир, и погребли на берег для наливания воды». Указанная мореплавателем широта соответствует северной части острова Кунашир, к которому русские корабли пришли 3 июля. Это прямо подтверждается боцманом В.Эртом с бота «Большерецк», отставшего в тот день «по признанию ево, Эрта, у острова Кыносыра».

* Здесь имеет значение факт упоминания в японских хрониках о том, что в 1643 году русский по имени Юрий (Юфуру) из материковой Азии впервые узнал о существовании островов Тисима, которые затем были переименованы в Курильские из-за обилия на них постоянно курящихся действующих вулканов.

Только после этого М.П. Шпанберг направился к острову Фигурному, названному так за изрезанность своей береговой линии, что, по общему признанию, характерно для острова Шикотан, получившего позднее на морских картах наименование острова Шпанберга, в честь посетившего его первого европейца. А затем в тот же день русские корабли пошли к островам, названным тогда же Три Сестры и Цыдронной (Цитронный). Эти два острова соответствуют ближайшим к острову Шикотан острову Полонского (по-японски Тараку) и острову Зеленый (по-японски Сибоцу) в Малой Курильской гряде. Эта часть образует острова Плоские (по-японски Хабомай). Такое мнение разделяет и японский ученый Ёсимицу Корияма.

Если координаты южной части Курил, до которых добрался М.П. Шпанберг 3 июля, в его рапорте в Адмиралтейств-коллегию, также как и расстояние в несколько минут до островов Фигурного, Цыдронного и Трех Сестер приводятся правильно, то вряд ли можно согласиться, что последние два острова, как считает историк Б.П. Полевой, были из-за тумана ошибочно приняты М.П. Шпанбергом за южную и северную части острова Итуруп. Здесь, на севере этого острова, на полуострове Медвежий, имеются вулканы Демон, Медвежий и кальдера Цирк, поскольку и они находятся более чем в 1° от острова Фигурный (Шикотан).

На этот остров 4–6 июля высаживались квартирмейстер А.Картунов, штурман М.Петров с четырьмя гребцами и двумя переводчиками-айнами «для описания губы и тамошних речек», есаул З.Дровосеков для сбора коллекций растений, а также пробирных дел мастер С.Гардеболь «для обыскания на том острове металлов и минералов».

«А кругом того места, — пишет в упомянутом рапорте М.П. Шпанберг, — имеется лежащих островов довольно и людей также, и на тех островах лесу, свежей воды, зверей, рыбы, ягод множество. И ежели повелено будет, то надеются Божиею милостию

и счастьем можно большие и малые острова привести в подданство е.и.в. от 43° и до 46°, а от 46° до последнего острова без всякого опасения можно привести в самой скорости».

О дальнейшем путешествии между островами у северных пределов Японии командир отряда русских кораблей в том же документе записал следующее: «И лавировали мы по морю к западной стороне меж выше означенных островов. 7-го числа того же июня (правильно — июля. — К.Ч.) пришли ко островам в туманное время и, как туман прочистился, усмотрели место низменное, глаткое и зеленое, на котором только растет трава, а лесу не имеетца, и для того назвали ево Зеленым. И посылали на него на шлюпке штюрмана да подпорутчика... И оные усмотрели через инструмент: лежит оный остров в ширине 43° и 15'».

По предположению академика С.П. Крашенинникова, которого поддержал академик Л.С. Берг, это был остров Кунашир, хотя боцманмат В.Эрт, сопроводивший М.П. Шпанберга, как упоминалось выше, называл этот остров не Зеленым, а Кынасыром. Но координаты 43°15' с. ш. соответствуют широте не острова Кунашир (хотя бы в его самой южной части), а северной части острова Матмай (ныне Хоккайдо), у основания полуострова Нэмуру, юго-восточнее района Ноткам (ныне Ноткамапу, г. Нэмуру), который М.П. Шпанбергом был назван Нуцкам. Согласиться же с отождествлением Б.П. Полевым этого места, где в 1701 году был основан пункт по торговле японцев с айнами, с мысом Ноцукэ на северо-востоке нынешнего острова Хоккайдо не представляется возможным.

«А от 8-го числа того же месяца, — писал М.П. Шпанберг, — пришли мы ко острову тамошнему, называецца Нуцкам, и усмотрели на нем жилые места и против того легли на якорь... приезжали к нашему судну байдара и на ней людей пять человек, и звали нас на берег, а сами они к нам на судно ехать не смели. И для того по их просьбе послал я шлюпку к берегу и на ней мичмана Шхельтинга да солдат с тол-

мачами 12 человек и с ним несколько подарочных вещей для приласкания их. И привес оной Шхельтинг на байдаре тамошних жителей к нам на судно восемь человек, которые сходны по персонам с курильским народом... По ногам у них и по всему телу шерсть, бороды у них великие, продолговатые, черные... Язык у оных жителей походит на курильской».

Эти жители через толмача объявили, что-де «из оных под властью епонского хана только один Матмай остров, а прочие острова неподвластны. Также объявили они по компасу кругом блис их лежащая острова: первый — Нуциам*, второй — Сетмов, третий — Акиш, четвертой — Куссюр, пятой — Толотси, шестой — Эрум, седьмой — Курака, восьмой — Усор, девятой — Това, или Матман, десятой — Самур, одинацатой — Индю, или Ендю, двенадцатой — Осага и что те все острова с Матмайским имеют торги велики и разными товарами. А людей на тех островах множество, которых мы жителей для приласкания, по силе данной инструкции, дарили подарочными вещами...».

Часть указанных М.П. Шпанбергом топонимов действительно идентифицируется. Так, Акиш у него означает остров Анучина (по-японски Акиюри)**, Эрум — остров Юрий (по-японски Юри или Юру), Това, или Матман, — остров Матмай (ныне Хоккайдо). А также другие населенные пункты: Куссюр — г. Кусиро, Самур — деревня Саимура в районе Симокита на острове Хоккайдо, Индю, или Ендю, — г. Эдо (Токио), в северном диалекте Японии — Эндю, Осага — г. Осака; остальные топонимы не идентифицируются.

С 8 по 23 июля 1739 года отряд М.П. Шпанберга обследовал район южной части Курил, а 24 июля вновь подошел к острову Матмай, где видел множество японских судов, которые

* *Нуциам* — вариант написания Нуцкам.

** По мнению Ё.Кориямы, топоним Аккэси (по-айнски Аткис) использовался на северо-востоке острова Хоккайдо.

«пошли к Японии, а другие — в Матманские проливы, кажется, все с грузом».

Отряд вновь возвратился к острову Шикотан 25 июля, а затем взял курс на север вдоль восточной части акватории Курильских островов. М.П. Шпанберг вернулся в Большерецк, на Камчатку, 14 августа, а затем 29 августа — в Охотск, где встретился с ботом «Св. Гавриил» и дубель-шлюпом «Большерецк». Другой дубель-шлюп — «Надежда» прибыл в Большерецк только 31 августа, а в Охотск попал лишь после зимовки, в июле 1740 года.

В.Вальтон составил карту 26 Курильских островов и их описание, опередив в этом М.П. Шпанберга. В частности, об острове Кунашир (в пересказе академика С.П. Крашенинникова) он изложил следующее: «Жители сего острова... ходят в долгом шелковом и китайчатом платье, имеют великие бороды, не наблюдают никакой чистоты и питаются рыбою и китовым жиром. Постели у них — муслимовые кожи, которых там довольно ж. Государя над собой никакого не знают, хотя живут близко от Японии. Японцы приежжают к ним ежегодно, но на мелких судах и привозят железные всякие вещи, медные котлы, деревянные лаковые подносы и чашки, листовой табак и шелковые и бумажные парчицы, меняют их на китовый жир и на лисицы, которые там ловятся... Кунаширцы говорили россиянам, чтоб они береглись матмайских обывателей, для того, что у них большие пушки... а при том спрашивали у наших, не из севера ли они приехали? И не те ли они люди, которые славны своею силою, что со всяким войну иметь и всякого побеждать в состоянии».

25 августа 1739 года В.Вальтон, а 8 сентября того же года М.П. Шпанберг составили рапорты В.Берингу об экспедиции к берегам Японии. Эти рапорты он сразу же направил в Адмиралтейств-коллегию, и в начале января 1740 года в Петербурге стало известно, что русские корабли побывали в Японии. Это вызвало благоприятные отклики в столице.

Новизна географических представлений о Северной Японии, острове Матмай, Курилах и острове Сахалин, зафиксированных на картах М.П. Шпанберга и В.Вальтона, резко отличающихся от прежних карт Ф.Страленберга и И.Гомана, побудила тщательно проверить результаты экспедиций, впервые проложивших путь к Южным Курилам и Японии. Хотя они и не привели к установлению межгосударственных политических и торговых отношений, с ними можно связать начало добрососедских русско-японских отношений.

Русские мореплаватели в конце 30-х — начале 40-х годов XIII века установили апокрифичность Земли Жуана да Гамы, показали, что открытые голландцами за столетие до этого Земля Штатов (остров Итуруп) и Земля Компании (остров Уруп) входят в состав Южных Курил, и доказали, что остров Матмай (остров Эдзо) и южная часть Курил в связи с неподтверждением гипотезы о существовании Земли Эдзонис, как и Земли Жуана да Гамы, не является частью Америки. Немаловажно и то обстоятельство, что эти экспедиции установили неподвластность Японии как всей Большой, так и Малой Курильской гряды, в том числе острова Шикотан (по-японски Сикотан), названного тогда русскими островом Фигурный (позднее остров Шпанберга).

Эти открытия вызвали интерес и получили признание в странах Западной Европы. Так, уже 13 января 1740 года «Амстердамский журнал» поместил на своих страницах письмо голландского резидента М.Шварца, в котором высказывалось предположение, что М.П. Шпанберг добрался до Японии (ее восточного побережья), и сообщалось также, что президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Н.Ф. Головин предполагает в ближайшем будущем получить от последнего реляцию об этом открытии с приложением карты путешествия в Японию, а «Газет де Франс» 27 июля 1740 года сообщила об открытии М.П. Шпанбергом 34 островов в Тихом океане, отметив, что «островитяне, хотя и весьма

пораженные, приняли его многочисленными проявлениями дружбы; народы эти очень походят на японцев».

На основе данных южного отряда Второй камчатской экспедиции видные западноевропейские географы Д'Анвиль, Боше, Беллин и другие составили свои всем известные карты. Наряду с изучением Японии М.П. Шпанберг и В.Вальтон впервые посетили южнокурильские острова Итуруп и Кунашир, Хабомаи и Шикотан. Карта акватории южной части Курил с геодезическими измерениями, сделанными в тот период В.Вальтоном, хранится в государственных архивах России.

На протяжении всей истории международных отношений внешняя политика любого государства исходит прежде всего из необходимости обеспечения экономической и политической безопасности. Главными политическими вопросами в XVII–XVIII веках при этом являлись приобретение территорий и установление границ на основе соглашений с соседними государствами, создание для решения этих задач военных союзов и договоров. В экономической области в XVII–XVIII веках все более возрастало значение внешней торговли, для расширения которой необходимо было прибегать к дипломатическим средствам. С этой целью и были направлены экспедиции, имеющие полномочия устанавливать политические контакты.

Но для того чтобы вступить в такие отношения, в ряде случаев, когда речь шла о далеких странах, необходимо было сначала найти пути к ним, прежде чем добиться дипломатического признания. Так обстояло дело и в отношениях России с Японией до первой половины XVIII века. Поиски со стороны России контактов со Страной восходящего солнца, несмотря на проводимую ею политику строгой изоляции (*сакоку*) от внешних контактов и влияний, все же увенчались первыми успехами. Путь в Японию из портов азиатской части Российского государства был найден. Перед внешней политикой России в связи с удаленностью Дальнего Востока от ее экономически

развитой европейской части встала задача обеспечить необходимыми товарами свои дальневосточные районы.

Следующий этап продвижения русских в район Южных Курил начался с 60-х годов XVIII века. От японцев, находившихся в Иркутске в 50-х годах этого столетия, до сибирского губернатора П.А. Соймонова, сподвижника Петра I, дошли сведения, что власть Японии простирается до южной части острова Матмай, причем все Курильские острова оставались независимыми в буферной зоне между двумя государствами.

20 февраля 1761 года П.А. Соймонов направил начальнику Анадырского острога подполковнику Ф.Х. Плениснеру инструкцию об организации русскими промышленниками неправительственной экспедиции в южную часть Курильских островов. 24 августа того же года в указе Сената «О дозволении ловить зверей в Камчатке на островах Восточного океана» инструкция получила свое подтверждение. Этот указ следовал в ответ на рапорт и доношение сибирского губернатора с просьбой разрешить частным судам курсировать в сторону Японии вдоль острова Матмай. Разрешение было подтверждено в манифесте Екатерины II от 31 июля 1762 года.

Весной 1766 года русская экспедиция отправилась в вояж, но в пути Н.Чикин умер, а И.Черный со спутниками 11 июня 1767 года добрался до острова Итуруп, принял в подданство всех коренных жителей и двух айнов с острова Кунашир, получил в дар от аборигенов немало японских вещей, в том числе золотую монету, привезенные с острова Матмай.

Старшина айнов острова Итуруп сообщил И.Черному, что на южном мысе острова Кунашир уже имеется японский торговый пункт, который был размещен там в 1754 году. «Мохнатые (то есть южнокурильские айны. — К.Ч.) до 1768 года жили совершенно свободно на 18-м (то есть остров Уруп. — К.Ч.) и южнейших 19, 20 и 21-м островах (Итуруп, Кунашир и Шикотан и на северо-восточной части 22-го. — К.Ч.), острове Матмай

(ныне остров Хоккайдо. — К.Ч.), в урочище Аткис (Аккэси. — К.Ч.) и сопредельных ему местах, — писал исследователь истории Курил А.С. Полонский. — С Японией они не имели других сношений, кроме торговли. Основываясь на этом показании, русское правительство предприняло попытку подчинить своей власти мохнатых, а затем посредством торговли сблизиться и с Японией».

Первое несомненное свидетельство о проникновении русских товаров в южную часть Курильских островов было получено властями японского княжества Мацумаэ в 1759 году от самурая этого княжества Какуносэ Минато. В его донесении сообщалось: «Во время моего пребывания в Аккэси прибыли вождь Итурупа Каккоро и вождь Кунашира Сануштэ-ка. На Каккоро был ворсистый красный кафтан иностранного изготовления. Он держал в руках пику иностранного производства. Из рассказа этого человека явствует, что на Камчатке проживает много иноземцев, которые носят красные кафтаны, и что там строятся остроги». Вполне вероятно, что появление у айнов этих русских вещей, о которых стало известно японцам, связано с поездками в среднюю и южную части Курил сборщика ясака старшины Н.Сторожева, о которых в 1755 году он представил отчет в Большерецкую канцелярию на Камчатке.

Заинтересованность русских в приобретении японских товаров привела к тому, что, выполняя роль посредников, айны стали выменивать их у японцев с островов Кунашир и Матмай (Мацумаэ) в порту Аккэси во всевозрастающем количестве. «По докладу тогдашних русских, туземцы на Северных Курильских островах привозили на остров Симушир шкуры выдры и орлиные перья и меняли эти товары на японские ткани, мечи, лакированную посуду, котлы и табак, которые приобретали туземцы острова Симушир... идя на остров Итуруп... от туземцев с острова Кунашир и Носаппу (из северо-восточной части нынешнего острова Хоккайдо. — К.Ч.), а туземцы Северных Курильских остро-

вов в свою очередь получали прибыль, меняя эти товары на товары соседних туземцев, — пишет Синъитиро Такакура. — Туземцы Кунашира и Носаппу (на острове Хоккайдо. — К.Ч.) привозили японские товары, приобретенные у торговцев Мацумаэ ежегодно на месте, на остров Итуруп, и, собрав там шкуры выдры и орлиные перья, привозили эти товары в Мацумаэ и получали прибыль. Поэтому развитие торговли, вызванное появлением русских на Севере, также подействовало на торговлю Мацумаэ. Русские стремились приобретать японские товары. Тот факт, что русские, опираясь на остров Уруп, начали заниматься торговлей с туземцами на Южных Курильских островах, составил важную эпоху в японско-русских отношениях вокруг Курильских островов».

До начала 70-х годов XVIII века в Японии считали, что русские, продвигаясь на юг по Курильским островам, проводят в отношении айнов в основном мирную, гуманную политику — такую же, какую рекомендовали проводить японцам голландцы, — они также стремятся к установлению добрососедских и взаимовыгодных торговых отношений.

Предупреждение полуполяка-полувенгра графа М.А. Беньовского, сделанное японцам в 1771 году, во время пребывания у берегов Японии после его побега из плена с Камчатки, о намерениях России в отношении Японии постепенно привело к возникновению мнения об угрозе с севера.

В Центральной Японии впервые узнали о продвижении русских на юг в 1759 году, когда самурай клана Мацумаэ К.Минато встретился в Аккэси (северо-восточная часть Хоккайдо) со старейшинами айнов островов Итуруп и Кунашир, которые были одеты в русские красные кафтаны и вооружены русскими пиками. Но, опасаясь, с одной стороны, огласки своей слабости, а с другой — вмешательства центрального правительства, клан Мацумаэ держал эти сведения в строгой тайне. Центральное правительство тоже хранило сведения о продвижении русских в тайне.

С начала 60-х годов XVIII века Россия приступает к активному освоению «дальних» Курильских островов. Это объяснялось тем, что в результате экспедиций русских землепроходцев и мореплавателей правительство России, которое придерживалось курса на установление отношений с Японией и проявляло осторожность в вопросе о Курильских островах, в соответствии с указом Сената 1761 года и манифестом Екатерины II 1762 года дало официальное разрешение на освоение «дальних» Курил, так как была установлена неподвластность их Японии.

В 1761 году, указывая на необходимость дальнейшего изучения и освоения Курил, сибирский губернатор Ф.И. Соймонов в упомянутой инструкции начальнику Анадырского острога Ф.Х. Плениснеру писал, что «в бывшую Камчатскую экспедицию капитан Шпанберг... неоднократно сквозь все те острова проходил» и что «нужнейшая надобность признается, чтобы проведать обстоятельнее прежнего к фигурным островам (Итуруп, Кунашир, Шикотан и др. — К.Ч.) близости лежащий остров под именем Матмай (Хоккайдо. — К.Ч.), который Японскому государству не принадлежит и на котором, как по журналу явствует, поручик Вальтон был и ласково от жителей принят».

В течение 60-х годов большую прибыль от охоты в этом районе получили купцы Захаровы. В 1756 году на острове Кунашир побывал промышленник А.Толстых. В 1766 году экспедиция Н.Чикина создала первое русское зимовье на острове Уруп. В 1766–1769 годах казак И.Черный, побывав в данном районе, составил подробное географическое описание Итурупа и других Курильских островов. При этом в подданство России была приведена значительная часть жителей Урупа и Итурупа. Японский историк Ёси Куно писал, что в 1766 году Россия распространила свою власть на Итуруп — самый большой из Курильских островов.

В июне 1768 года И.Черный «привел в подданство всех мохнатых 19-го (Итуруп. — К.Ч.), в том числе двух

князцов и, кроме того, двух приезжих с 20-го острова (Шикотан. — К.Ч.)... причем «главный тоён» (старейшина. — К.Ч.) 19-го острова обещал Черному к следующему его прибытию на 19-й привести в подданство мохнатых 20-го, 21-го и 22-го островов (Шикотана, Кунашира и Хоккайдо. — К.Ч.) и в присутствии его там отправил своего сына на 20-й остров и далее...». В 1770–1772 годах на остров Уруп плавал промышленник И.Никонов, в 1771–1772 годах на Уруп и Симушир — А.Сапожников, в 1775–1778 годах до острова Кунашир — подштурман Ф.Путинцев.

Ведомости этих русских экспедиций о добровольном вступлении в подданство России айнов Итурупа, Кунашира и Шикотана и об уплате ими податей представителям русских властей имеют важное значение как документы, подтверждающие правооснования нашей страны на Курильские острова. Указом Екатерины II от 30 апреля 1772 года премьер-майор М.Бем был назначен «главным командиром» с резиденцией на Камчатке и ему поручалось взять под свою администрацию всех подданных России в прилегающих районах. Во исполнение этого указа сибирский губернатор в Иркутске А.И. Бриль осенью 1772 года предписал М.Бему «заведовать» Ижигинским округом, Курильскими и Алеутскими островами, приняв в свое ведение Курильские и другие близ Камчатки расположенные острова и живущих там «ясашных инородцев».

После этого в 1775 году коренные жители Кунашира и других островов выступили с оружием в руках против проникновения в этот район японских торговцев, в результате чего те до 1782 года вынуждены были прекратить отправку сюда торговых судов. В 1778 году русские мореплаватели И.Антипин и Д.Шабалин из отряда И.Очередина зимовали на Урупе, где уже было создано русское поселение КурилоРоссия. Жители его занимались не только морским промыслом, но и хлебопашеством. В 1778 и 1779 годах эта экспедиция побывала на Итурупе, Кунашире и Шикотане. Все Ку-

рильские острова, а также Хоккайдо получили подробное изображение на «Карте Курильских островов, составленной по описанию Ивана Антипина и Ивана Очередина, 1778 года».

И.Антипин, Д.Шабалин и члены их экспедиции летом 1779 года с июня по август жили в гавани Нотком, а в конце лета — начале осени 1779 года — в бухте Аккэси (Аткис) на северо-востоке Хоккайдо. Стремясь завязать торговые отношения с русскими, приехавшие в Аккэси японцы просили от имени капитана своего корабля, чтобы из Ноткома они «с пристани не уходили», так как «давно желают повидаться с русскими». В путевом журнале И.Антипина подробно говорится об установлении дружественных отношений с айнами района Ноткома и о вступлении их в подданство России.

В «1778 года реестре имеющимся вновь объясачанных в казну е.и.в. по Курильской гряде с 18 острова, называемого Уруб, и до 22 Откизя мохнатых народов», составленном Д.Шабалиным, поименовано более тысячи айнов южной части Курил, не считая жителей других Курильских островов, уплативших подати Д.Шабалину и причисленных в силу этого к русско-подданным (на Урупе — 181 человек, на Итурупе — 345 человек, на Кунашире — 438 человек, на Хоккайдо — 137 человек).

Японские чиновники постоянной резиденции на Хоккайдо не имели, и только в 1799 году «земли эти были поставлены под управление Хакодатского бугёо (военного губернатора. — К.Ч.), конторы были основаны в Ноцукэ, Нэмуру и Сибэцу». В эти же годы на острове Уруп, где имелось русское поселение, были посеяны хлебные злаки, причем на этом острове, а также на расположенных к югу от него Курильских островах были установлены кресты, символизирующие присоединение их к России.

В 1779 году иркутский губернатор Ф.Г. Немцов сообщил в Петербург о принятии в русское подданство упомянутой 1,5 тысячи курильцев (айнов) Д.Шабалиным, который в 1778 году «с 19-го острова отправился далее, до

22-го и в проезде приводил мохнатых (айнов. — К.Ч.) в подданство». Принимая к сведению донесение о присоединении к России самой южной части Курильских островов, императрица Екатерина II направила Сенату указ, переадресованный 29 мая 1779 года новому иркутскому губернатору Ф.Н. Клычке, в котором говорилось о том, чтобы «по затруднительности наблюдения за покоренными землями и злоупотреблениями приведенных в подданство мохнатых курильцев оставить свободными, никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих там народов к тому не принуждать».

В 1785 году русские моряки с корабля «Павел» во главе с С.Т. Извозовым поселились на Итурупе, где врыли в землю столбы с указанием на принадлежность острова России. Здесь с ними встретился впервые приплывший сюда первый японский исследователь Курил Токунай Могами (1754–1836). Они пользовались покровительством вождя айнов. В эти и предшествующие годы многие коренные жители не только Урупа, но также Итурупа и Кунашира принимают русское подданство. Об этом периоде заселения и первоначального хозяйственного освоения русскими южной части Курил Морисигэ Дзюдзо Кондо (1771–1829), чиновник из сословия самураев-хатамото (непосредственных вассалов сёгуна Токугава), в начале XIX века писал следующее: «Остров Эторофу (Итуруп. — К.Ч.) отстоит от Мацумаэ по морю и суше на 350–360 ри, и с древних времен совсем не было японцев, которые ездили бы туда и обратно между островом Эторофу и Японией. Русские жили на этом острове в течение семи лет...» Последнее, очевидно, относится к группе русских колонистов, состоящей из трех человек, которая отделилась от русских поселенцев Урупа и переехала на Итуруп в 1779 году, где и была оставлена на поселение после возвращения на материк экспедиции Д.Шабалина и И.Антипина.

Из такого характера освоения этих территорий «ясно виден взгляд русского правительства на движение

русских промышленников по Курильским островам, — пишет Д.М. Позднеев. — Оно совершенно предоставило все дело частной предприимчивости и никоим образом не желало ни захватывать чужих земель, ни делать из них политических вопросов, ни посылать промышленникам военной охраны».

В этом вопросе Д.М. Позднеев не вполне прав. В район Курильских островов начиная с середины XVIII века, помимо частных, был направлен ряд официальных экспедиций. В 1766–1767 годах у Шикотана побывало судно, входившее в правительственную экспедицию П.К. Креницина и И.Д. Левашова, в 1789 и в 1792 году до Симушира плавали корабли правительственной экспедиции И.Биллингса и Г.Сарычева. В 1792 году до острова Хоккайдо плавала экспедиция первого русского посла А.К. Лаксмана, получившего от японцев официальное разрешение ежегодно посылать одно торговое судно в Нагасаки, в 1804–1805 годах до острова Расшуа, а также к Сахалину — правительственная экспедиция И.Ф. Крузенштерна, доставившая в Нагасаки русского посла Н.П. Резанова, в 1806–1807 годах из южной части Курил и Сахалина — экспедиция Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова полуправительственной Российско-Американской компании, а в 1811 году в южной части Курил — правительственная экспедиция В.М. Головнина.

Русские экспедиции на Курильские острова принимали в подданство России коренное население и создавали русские поселения, которые оказали большое влияние на уклад его жизни. Они внесли серьезный вклад в обеспечение безопасности дальневосточных районов России, которым угрожали Англия, Испания, Франция и Швеция. Так, японский историк Рюносукэ Окамото писал, что русские в годы Мэйва (1764–1771) обосновались на Урупе и в 1766 году — на Итурупе, который, по его словам, в это время обследовал И.Антипин. Правительственный чиновник Морисигэ Дзюдзо Кондо в 1804 году в «Исследовании пограничных районов и карт» писал, что в

1768 году русские-«рыжебородые» поставили на Южных Курильских островах столбы, вырезали на них название «Курилы», стали взимать ясак с айну, дали им ружья, пули, порох, научили носить русскую одежду и обувь, поклоняться христианским богам и говорить по-русски».

Начиная с 1780 года русские стали посещать Сахалин В 80-х годах в северо-восточной части залива Терпения на южном побережье Сахалина поселилась группа русских мореходов в составе шести человек, прибывших сюда с южной части Курильских островов или с полуострова Камчатка, а затем перешедших на западный берег острова. В 1783 году здесь осталась группа русских после кораблекрушения, а в 1789 году они вновь побывали в западной части острова и произвели съемку местности.

Вместо русской экспедиции Г.И. Муловского, которая должна была установить в гаванях Сахалина и Курильских островов металлические доски с надписью «Земля Российского владения», в 1789–1790 годах на Сахалине побывала экспедиция мореплавателя Л.Ф. Терентьева с эмиссаром для переговоров с нивхами. Подготовка этих экспедиций свидетельствует о том, что к 90-м годам XVIII века по мере активизации деятельности русских промышленников в бассейне Тихого океана Сахалин и Курильские острова все чаще привлекали внимание русского правительства как база торговли с Японией.

То обстоятельство, что Курильские острова и Сахалин в последней трети XVIII века рассматривались де-факто присоединенными к России и их принадлежность нашей стране предстояло лишь подкрепить формально, то есть утвердить де-юре, вытекает из инструкции Гидрографического департамента России русскому мореплавателю Г.И. Муловскому накануне предполагавшейся в 1786–1787 годах под его началом кругосветной экспедиции. В этой инструкции говорилось о том, чтобы все острова к северу от Японии «причислить формально ко владению Российского государства, по-

ставя или укрепя гербы и зарыв медали в пристойных местах с надписью на российском и латинском языках».

Закрепление суверенитета России над всеми Курильскими островами последовало и в другом, более важном акте внутреннего законодательства России. 22 декабря 1786 года Екатерина II в указе Адмиралтейств-коллегии повелела ввести в действие положения записки президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова и гофмейстера А.А. Безбородко, в которой говорилось, что гряда Курильских островов, Аляска, Алеутские и Лисьи острова и берег американский к северу от 55°21' «должны неоспоримо принадлежать России».

В 90-х годах XVIII века русские торговые компании перешли к более активному освоению Курил. Созданная Г.И. Шелиховым Северная компания, впоследствии вошедшая в состав Российско-Американской компании, основала в 1795 году — в год смерти самого Г.И. Шелихова — на острове Уруп постоянное русское поселение, состоявшее из 40 человек. В том же году русские поселенцы стали перебираться на соседний Итуруп, расположенный ближе к острову Матмай (ныне Хоккайдо), через который они вели около 10 лет жизненно важную для них торговлю с Японией до тех пор, пока сёгунат, лишив независимости княжество Мацумаэ, не организовал против них экономическую блокаду (доктрина М.Хабутто)*. Руководитель русской колонии В.Звездочетов тогда же принимал меры по переселению с острова Уруп на остров Итуруп для содействия торговле «дружественно настроенных к русским также коренных жителей», подкрепляя их материальными средствами.

Еще до появления на острове Итуруп в конце июля 1799 года отряда М.Д. Кондо русское правительство передало Российско-Американской

* Доктрина высокопоставленного чиновника сёгуна Масаеясу Хабутто заключалась в форсированном вытеснении иностранцев с Южных Курил «во имя безопасности Японии».

компании право на все промыслы и полезные ископаемые на Курильских островах, предоставив компании привилегии «пользоваться всеми промыслами Курильских и других по Северо-Восточному океану лежащих» островов.

В Правилах компании, утвержденных Павлом I 8 июля 1799 года, в параграфе 1 указывалось, что Курильские острова принадлежат России «по открытию из давних времен российскими мореплавателями». Тем самым законодательным путем официально была вновь подтверждена принадлежность нашей стране всех Курильских островов. Этот документ гласил: «Под Высочайшим е.и.в. покровительством Российско-Американской компании даруются от сего времени впредь на двадцать лет следующие привилегии: 1) По открытию из давних времен российскими мореплавателями берега северо-восточной части Америки, начиная от 55 гр. Северной широты, и гряд островов, простирающихся от Камчатки на север к Америке, а на юг к Японии, и по праву обладания оных Россиею, пользоваться компании всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне на северо-восточном берегу Америки от вышеозначенных 55 гр. до Берингового пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-Восточному океану лежащих».

Так к концу XVIII века завершилось присоединение к нашей стране Курильских островов, в том числе их южной части, в отношении которых ею неоднократно осуществлялись акты суверенной власти в соответствии с нормами международного права, свидетельствующие в пользу государственной принадлежности России.

Принадлежность указанных островов России, не говоря уже о более северных островах Курильской гряды, ставшая фактом во второй половине XVIII века, признается как в русской, так и в японской картографии.

В официальном атласе Российской империи 1792 года опубликована карта нашей страны под заголовком «Восточная часть Иркутской губернии с

прилежащими островами и западным берегом Америки», на которой также изображены отдельно от Японии все Курильские острова и часть острова Хоккайдо. На изданной в 1800 году Географическим департаментом также в качестве официального документа «Генеральной карте Российской империи» имеется заголовок «Восточная часть Иркутской губернии, содержащая 2 уезда и Чукотскую землю с прилежащими островами и западный берег Америки», причем в состав «прилежащих островов» включены не только Сахалин, но и все Курилы. «Генеральная карта Российской империи» 1811 года в этом отношении повторяет упомянутую официальную карту 1800 года.

На «Карте северных окраин», которую в 1790 году составил Токунай Могами, приведены русские названия всех Курильских островов по их нумерации с 1-го (Шумшу) по 22-й (Матмай), а остров Сахалин обозначен как «независимый». Более того, даже на острове Матмай (ныне Хоккайдо), не говоря уже о Курильских островах и Сахалине, появилось немало русских географических названий, которые были зафиксированы в мировой картографии, а также в 1854 году к переговорам с миссией вице-адмирала Е.В. Путятина, о территориальном размежевании с Россией была японской стороной подготовлена «Общая карта важнейших морских границ с Японией», на которые они жирной чертой были, в частности, проведены у северного берега острова Матмай. В международном праве это является одним из критериев государственной принадлежности территории.

В 1808 году в этих районах побывали упомянутые Риндзо Мамия, Морисигэ Дзюдо Кондо, а также Кодзо Хираяма* и другие официальные представители японского правительства и

* Кодзо Хираяма (1759–1828) — основатель артиллерийской школы в столице, предложивший сёгунату возглавить армию уголовников для удара по русским поселениям на Курилах, Камчатке и в Восточной Сибири.

ликвидировали знаки принадлежности южной части Курил России. Они поставили новые столбы с надписями, обозначающими их принадлежность Японии.

В период нашествия Наполеона I на Россию и осложнения обстановки в русско-японских отношениях в связи с пленением В.М. Головнина* японские власти попытались юридически оформить насильственный захват южной части Курил на основе превращения островов между Урупом и Симуширом в нейтральную зону, причем при обсуждении этого вопроса в Верховном совете Японии некоторые министры высказывались за проведение границы в районе Сахалина через пролив Лаперуза.

В 1813 году бывший помощник В.М. Головнина П.И. Рикорд прибыл на Кунашир и вручил японцам письмо иркутского губернатора Н.И. Трескина губернатору Хоккайдо с предложением установить добрососедские торговые отношения и договориться о границах между Россией и Японией. После уведомления русской стороны о том, что экспедиция русских морских офицеров Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова на Сахалин и Южные Курилы не была санкционирована правительством России, В.М. Головнин и сопровождавшие его моряки были освобождены. По вопросу о границах стороны договорились встретиться на Итурупе 20 июля следующего года. В сложившихся к тому времени неблагоприятных обстоятельствах Н.И. Трескин считал, однако, что в то время японцы не пошли бы на признание прав России на Курильские острова к югу от Урупа, и занял, по сути дела, капитулянтскую позицию в отношении южной части Курил. В.М. Головнин же, учитывая мнение японцев, тем не

* Это произошло 11 июля 1811 года, когда капитан-лейтенант В.М. Головнин с группой моряков, исследуя Южные Курилы, был вероломно захвачен по приказу начальника гарнизона Саэмона Насасэ на южном берегу Кунашира, куда они высадились для пополнения запасов пресной воды и покупки провизии.

менее придерживался мнения, что необходимо было «предъявить им свои права на три острова (Итуруп, Кунашир, Шикотан. — К.Ч.), по мнению нашему, несправедливо ими занимаемые».

Ответа на письмо иркутского губернатора не последовало. Верховный совет Японии в конечном счете решил по-прежнему придерживаться политики изоляции и отказа от фискации русско-японской границы в договорном порядке. Предложения Н.И. Трескина также не были утверждены и русским правительством. Хотя его положения были в 1815 году одобрены генерал-губернатором Восточной Сибири И.Б. Пестелем, на усмотрение которого это письмо было направлено Александром I. Но оно не приобрело международно-правового значения, так как 25 января 1825 года в вербальной ноте посланника России в США при обмене ратификационными грамотами в отношении Русско-американской конвенции 1824 года подтверждалось международное признание Курильских островов с давнего времени «в исключительном владении России», как об этом указывалось в новых Правилах с высочайше дарованными привилегиями Российско-Американской компании от 14 сентября 1821 года.

Принимая данную ноту, государственный секретарь США Дж.К. Адамс заверил русского посланника в Вашингтоне Ф.В. Тейля, что «граждане Соединенных Штатов никогда не замыслили по отношению к Курильским и Алеутским островам какого-либо торгового предприятия».

Это свидетельствовало о сохранении признания в международных отношениях права России на все Курильские острова (начиная с разрешения судам Испании заходить в гавани на Курильские острова, данного вице-канцлером России А.И. Остерманом на переговорах в 1789–1790 годах испанскому посланнику в России министру М.Гальвесу).

1 мая 1807 года глава японского правительства Тадакиё Макино приказал японцам оставить остров Саха-

лин, а 3 июня 1807 года — остров Итуруп. Мобилизованные в июне того же года на случай возможных военных действий против России войска четырех северных княжеств Японии были направлены в районы, прилегающие к русской границе, однако в соответствии с этими распоряжениями властей от высадки на Сахалин и Итуруп они воздержались. А в феврале 1808 года наместники центрального правительства в княжестве Мацумаэ Харуюки Кавадзири и Нариюки Арао в связи с необходимостью ответа на письмо Н.А. Хвостова с предложением об установлении торговых отношений поставили перед правительством вопрос об открытии Японии для торговли с русскими при условии, что ее объем будет небольшим, на что первый министр сообщил о согласии на ее проведение под контролем властей.

Однако занятость России европейскими делами — необходимость укрепления русско-французских отношений после Тильзитского договора 1807 года, ухудшение отношений с Англией в результате присоединения к проводимой Наполеоном блокаде этой страны, а также военные столкновения со Швецией (1808–1809) и Ираном (1804–1813) не позволяли ей закрепить результаты экспедиции Н.А. Хвостова и Г.И. Давыдова в тех или иных соглашениях с японскими властями, хотя в 1808 году Александр I по представлению министра коммерции Н.П. Румянцева в своем именном указе № 23207а удовлетворил просьбу Российско-Американской компании о заселении Сахалина русскими промышленниками и крестьянами.

В нарушение международно признанных прав России войска северных княжеств Японии, воспользовавшись длившимся несколько лет бездействием русского правительства, по приказу сёгуна от декабря 1808 года были направлены на Сахалин, Кунашир и Итуруп, в конце концов южная часть Курил вновь была оккупирована японскими вооруженными отрядами. Эта акция была связана с решением японского правительства во измене-

ние майского приказа 1807 года после «выкупа» Сахалина и Курильских островов у клана Мацумаэ, которому они фактически не принадлежали официально, перейти к непосредственному управлению этими районами.

Неофициальное же прямое управление, которое носило такой характер с 1799 по 1807 год, было установлено сёгунатом как исключение из закона об изоляции Японии, по которому ее подданные не имели права без специального разрешения правительства выезжать за ее пределы под угрозой смертной казни по закону об изоляции страны 1639 года. Аннексия заселенных айнами южной части Курил и Хоккайдо потребовала специального теоретического обоснования, ибо она означала «открытие страны» для «варваров», что противоречило японскому законодательству. В конечном счете как прецедент для прямого управления Южными Курилами было использовано присоединение острова Хатидзёдзима вблизи полуострова Идзу. Оправдание его захвату было найдено в ссылках на необходимость обороны страны от иностранцев.

Прямое управление упомянутыми Курильскими островами осуществлялось сёгунатом в нарушение международного права, принципы которого были изложены в Декларации международного права, принятой в Париже в 1793 году, не допускавшего произвола в аннексии территорий, признанных международным сообществом владением других государств.

В пользу России в отстаивании ее прав на Курильские острова в противоборстве с Японией служит аналогичный прецедент в споре Дании и Норвегии, которая пыталась доказать свое право на эффективную оккупацию Восточной Гренландии, ссылаясь на наличие своих поселений, якобы образующее на этом основании географическое понятие, отдельное от понятия «Гренландия», которая с 1814 года была известна как колония Дании, приобретенная ею до возникновения на этом острове норвежских поселений.

В 1932 году Постоянная палата международного правосудия Лиги Наций, решения которой учитываются и Международным судом ООН, отказала Норвегии в признании ее прав на Восточную Гренландию и ее права на эффективную оккупацию на основе наличия ее поселений в этом районе, исходя из единого понятия «Гренландия», которая до их возникновения являлась владением Дании. Точно тогда же Япония не могла без нарушения международного права использовать принцип эффективной оккупации Южных Курил, поскольку они с точки зрения сохранявшего свою юридическую силу права первого открытия, применявшегося в отношениях России с другими государствами, являлись с давних пор ее государственной территорией. Тем более что в 1810 году сёгунат ликвидировал на Урупе и островах к югу от него, включая остров Эдзо (ныне Хоккайдо), систему торговых пунктов с айну («басё»), в 1814 году вывел из этих районов войска кланов Цугару и Намбу (остров Хонсю), а в 1821 году отказался от официального прямого управления этими территориями, возвратив ему права на использование все более хиреющей системы японских подрядчиков, что придало вассалитету айнов этих территорий в отношении японских властей фиктивный характер. Это подтверждается опубликованной в немецком атласе Ф.Зибольда картой Японской империи 20-х годов XIX века, тайно вывезенной им из Японии в Европу, на которой из состава территории Японии были исключены остров Эдзо (Хоккайдо) и все Курильские острова.

Активное освоение русскими дальневосточных территорий в XVIII веке вызвало усиление противодействия со стороны Японии. Это выразилось не только в ее попытках продвижения в те же районы, но и, пользуясь современной терминологией, в агрессивных акциях, направленных на захват земель, уже принадлежавших России. Идеологи токугавского сёгуната объясняли необходимость такой политики якобы агрессивными намерениями России.

С середины 80-х годов XVIII века Япония начинает предпринимать акции, направленные на отторжение Курильских островов и Сахалина от русского Дальнего Востока и присоединение к своей территории. Экспансия Японии в северном направлении была связана с усилением реакционного характера внешней и внутренней политики сёгуната, который предпринял одну из последних попыток справиться с развитием капиталистических отношений. Поводом для нее послужила активизация исследований и освоения русскими Курильских островов и Сахалина.

Итак, приведенные выше исторические факты не только свидетельствуют о том, что ни о каком исконно японском владении Южными Курилами, вопреки резолюциям японского парламента, принятым в 2009 году, как аргументе в пользу принадлежности их Японии не может быть и речи, но и о том, что этот аргумент является несостоятельным с точки зрения действовавшей до XIX века международной юридической практике права владения на основе открытия Южных Курил российскими мореплавателями (при отказе от него голландцев), к тому же дополненного ими географическим открытием и картографированием, первоначальным хозяйственно-культурным освоением (геологические исследования) и элементами административного контроля (уплата айнами податей).

Рассматриваемые территории официально вошли в состав Японии по договору цессии (уступки суверенитета) в обмен на открытие нескольких портов для торговли лишь по первому русско-японскому трактату 1855 года, заключенному в г. Симода, однако без отказа России от своих исторических правооснований на уступаемые ею острова, в отличие от отказа Японии не только от прав, но и правооснований и претензий на все Курильские острова по Сан-Францисскому мирному договору с нею 1951 года.

С точки зрения международного права имеет значение также тот факт,

что первый русско-японский договор 1855 года с уступкой Японии Южных Курил был аннулирован уже по русско-японскому торговому договору 1895 года (ст. 18). И хотя, как это доказывает Протокол № 10 Портсмутской мирной конференции 1905 года, русско-японские договоры, заключенные до русско-японской войны 1904–1905 годов, по мнению тогдашнего министра иностранных дел Японии Д.Комуры, были отменены в результате этой войны, по заявлению российского представителя на переговорах о мирном договоре в Портсмуте Ф.Ф. Мартенса, известного юриста-международника, они были только приостановлены на период этой войны. Следовательно, формально после ее окончания было возобновлено последнее положение, в том числе об аннулировании Симодского трактата 1855 года, с отказом России от Южных Курил.

К тому же известно, что с точки зрения современного, основанного на решениях международных конференций союзников по Второй мировой войне против держав «оси» и после ее окончания и положениях Устава ООН, прежний принцип давности фактического владения иностранной территорией, на который ссылаются в Токио в качестве аргумента для обоснования своих претензий на Южные Курилы, утратил свое юридическое значение (на этом основании, например, португальская колония Гоа в Индии была возвращена ей после 400 лет пребывания в составе португальских владений). Следовательно, не имеет международно-правового значения для обоснования своего владения этими островами в составе Японии по ее административным актам в течение значительно более короткого срока (1799–1945) и присутствие там ее военных гарнизонов как обоснование претензий на возвращение территорий Японии, выдвигаемых вопреки одобренной ею же Потсдамской декларации 1945 года, подтвердившей Каирскую декларацию 1943 года о наказании ее за агрессию путем «изгнания с территорий, которые она захватила

при помощи силы и в результате своей алчности». В соответствии с этой декларацией союзников 1943 года, принятой Японией в 1945 году, она лишлась, помимо Южного Сахалина, всех Курильских островов, которые были изъяты из состава территории Японии. А по Ялтинскому соглашению 1945 года, опубликованному в феврале 1946 года, острова были отданы Советскому Союзу, и Япония по Сан-Францисскому мирному договору союзников 1951 года отказалась от всех прав, правооснований и претензий на эти территории России, присоединенные к ней в XVIII веке как географические объекты по праву их открытия в 1739 году.

При заключении с Японией Сан-Францисского мирного договора в 1951 году она заявила, что острова Малой Курильской гряды (Хабомаи и Шикотан) до окончания Второй мировой войны в 1945 году как политико-административные единицы не входили в состав Курильских островов. А в 1956 году Япония выдвинула претензии также на острова их южной части — Кунашир и Итуруп как присоединенные к ней мирным путем, а не как захваченные при помощи силы и в результате алчности острова, не подлежащие изъятию по условиям Каирской декларации 1943 года. Провозглашенное в 2009 году присоединение Южных Курил к Японии как якобы ее исконных земель с изображением их на ее географических картах как неотъемлемой части ее государственной территории, входящей в префектуру Хоккайдо, представляет собой не только недружественный политический акт в отношении России, но и акт «картографической агрессии», противоречащий преамбуле Совместной декларации СССР и Японии 1956 года, по которой устанавливались мир и дружественные отношения между ними, но и завуалированный политический акт покушения на агрессию против РФ, вопреки целям Устава ООН, — новый вид нарушения международных обязательств, влекущих за собой ответственность Токио.